

САМОУБИЙСТВО ЦЕНТРА И КОНЕЦ СОЮЗА

(политическая антропология путча)

Драматические августовские события 1991 г. — путч, российская революция и распад СССР — более чем достойны пера драматургов и неспешного анализа обществоведов. Есть над чем поразмыслить и представителям социально-культурной антропологии: прежде всего необходимы анализ этнического фактора в событиях и воздействии последних на сферу межэтнических отношений, включая дальнейшую судьбу советского многонационального государства. Безусловен сам по себе факт, что август—сентябрь 1991 г. войдут в историю народов СССР как примечательная, возможно, поворотная веха, и долг современников попытаться уже сейчас зафиксировать свои первые оценки и суждения.

1. Канун путча и выступление хунты

Напомним, что основным аргументом Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) в оправдание своих действий была необходимость приостановить «ликвидацию Советского Союза, развал государства», решительно покончить с «кровавыми межнациональными конфликтами», призвать к ответу «перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв (простим неграмотный стиль в виде “гибели жертв”) межнациональных конфликтов»¹. Сама дата переворота и его ближайшая цель были связаны с началом подписания нового Союзного договора — крупным реальным и юридически оформленным шагом в сторону децентрализации советской империи.

Как известно, выработка текста Договора о союзе суверенных государств завершилась 23 июля 1991 г. в Ново-Огареве в ходе консультаций лидеров девяти республик. Текст был опубликован 15 августа, а на 20 августа было намечено его подписание первыми участниками — Россией, Казахстаном и Белоруссией с последующим присоединением Украины и еще пяти республик, которые условно можно назвать мусульманскими. Этот документ, хотя и полный противоречий, содержал ряд очень важных положений о действительно новых началах отношений в Союзе Советских Суверенных Республик. В отличие от формулы «обновленной федерации» в нем отразилась концепция возможного сочетания федеративных и конфедеративных начал в обновленном Союзе суверенных республик-государств, которые «обладают всей полнотой политической власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления». Эти государства должны были стать «полноправными членами международного сообщества» с правом устанавливать дипломатические отношения, заключать международные договоры, а отношения между собой строить «на основе равенства, уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела» и т. д.²

При таких сильных и вполне определенных формулировках вся остальная фразеология насчет того, что СССР также является суверенным государством, что приоритет сохраняется за общесоюзной конституцией, что сохраняются гражданство Союза и равноправие граждан на его территории, выглядели скорее реверансом некогда могущественному центру и вынужденной уступкой республик в сложном противоборстве с Кремлем. Союзные власти записали за собой достаточно широкий круг полномочий, к ним добавили сферы совместной компетенции, но, как подсказывал прошлый опыт, республиканские власти своей самостоятельной политикой и неподчинением могли отстаивать свои интересы и в более жестких условиях.

Но, пожалуй, самое важное — договор означал конец старого Советского Союза и не просто его «обновление», а появление нового геополитического образования, как бы сместившегося в юго-восточном направлении и с мощным несла-

вянским культурным компонентом, в случае, если Украина воздержалась бы от вхождения в Союз. Это обстоятельство, хотя и гипотетического характера, обладало огромной силой тревожащего психологического воздействия для достаточно широких слоев преимущественно русского населения России, из которых легко рекрутировались активные сторонники сохранения целостности Союза.

Именно поэтому теоретики переворота, его организаторы и непосредственные исполнители представляли не просто реакционные силы связанной с Центром и обреченной в ходе демократических преобразований на гибель партийно-государственной номенклатуры. Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русским национал-патриотическим движением и с русскими как доминирующей в государстве этнической группой. На уровне манифеста интересы и сантименты этих сил были сформулированы в известном «Слове к народу», опубликованном 23 июля в газете «Советская Россия» за подписью 12 русских по национальности деятелей культуры и военно-промышленного комплекса³.

Та же идеология и частично те же люди породили и основной документ хунты «Обращение к советскому народу» от 18 августа 1991 г. Состав хунты — это не просто высшие чины «советского руководства», но и опять же лица русской национальности: из 8 членов ГКЧП только родившийся в г. Калинин Б. Пуго был ассимилированным латышом. Что же касается лексики самого «Обращения», то она была буквально насыщена целенаправленной великодержавной риторикой: «многовековая проверка историей», «раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза», «наш многомиллионный народ веками жил исполненный гордостью за свою Родину», «граждане нашей великой державы», «истинные патриоты» и т. п.⁴

Впрочем, по своим основным параметрам путч, конечно, имел политическую природу. Это был «правый, реакционный, антиконституционный переворот», как его определило российское руководство в своем воззвании «К гражданам России» утром 19 августа. Это было выступление против молодой, но набирающей силу демократии в центре страны и прежде всего против коалиции Б. Н. Ельцина в России. Это был путч старых структур власти и их лояльных служителей, рассчитывающих на политическую инертность слабо затронутой перестройкой части населения, пребывающей в состоянии социальной депрессии, против «нового народа» в лице политически активных граждан крупных городских центров и делегированных ими к управлению политиков перестроечной генерации. Это был не антигорбачевский переворот: президент СССР был всего лишь преградой на пути к главной цели — растерзать демократию.

И все же у переворота был достаточно легко вычленимый аспект, имеющий отношение к сфере межнациональных отношений. Хотя руководители заговора обещали не вводить чрезвычайное положение на Украине, в Белоруссии, Казахстане и республиках Средней Азии, а Г. Янаев объявил о полученной им поддержке со стороны автономий, путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны. «Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций»⁵, — так в «Обращении» определялся весь тот сложный и глубокий процесс суверенизации союзных и автономных республик, что казалось должно было быть с тревогой воспринято лидерами этих сил. Однако ход событий, как и водораздел между участниками этой исторической драмы, оказались гораздо сложнее.

2. Новая Россия

До 19 августа трудные процессы демократизации и становления российского суверенитета имели ряд отличительных от других регионов страны особенностей, которые еще в большей степени выкристаллизовались в дни защиты Белого дома России. В других союзных республиках основной коллективного действия и политического размежевания в значительной мере стали национальная идея и этнонационализм в его прокоммунистическом или антикоммунистическом вариантах, исповедуемый старыми или новыми политическими элитами доминирующих этнических групп. Главный вектор политической борьбы и национальных движений был направлен по вертикали «вверх» — против русскоязычного центра и «вниз» — против этнических меньшинств или т. н. «некоренного населения».

Пожалуй, только на Украине и частично в Азербайджане главными были противоречия между национал-коммунистами и национал-радикалами. В России же, огромном многоэтничном образовании, но с очень высокой долей одного доминирующего народа — русских (в этом аспекте РСФСР уступает только Армении и Литве), русская национальная идея и движение под лозунгом самоопределения русской нации по ряду исторических и других причин не получило широкого распространения.

Среди этих других причин следует назвать прежде всего многонациональный состав того мощного слоя российской демократии, который оформился за годы перестройки в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов и фактически перевел процесс демократических преобразований в общесоюзном масштабе. После выборов 1990 г. в республиканские и местные органы власти и выборов президента и мэров в 1991 г. главное политическое противостояние ушло из стен союзного парламента и прошло между союзным центром и российским руководством. Национальный аспект здесь фактически не имел никакого значения и даже более того — российское руководство оказалось более интернациональным, чем шовинистически настроенная значительная часть центральных структур власти в блоке с руководством российской компартии. Русский Ельцин, украинец Станкевич, грек Попов, еврей Заславский, чеченец Хасбулатов и многие другие лидеры демократии и не могли разыгрывать «национальную карту», солидаризируясь с идеей и принципами общегражданских свобод и общегражданского суверенитета.

В тексте Декларации о суверенитете России фактически впервые появились понимание и формула национального самоопределения как самоопределяющегося согражданства — «многонационального народа РСФСР». Однако процесс становления нового российского самосознания и республиканского, в отличие от старого, ассоциированного со всей Российской империей, сталкивался с целым рядом препятствий. Во-первых, достаточно громко в последнее время заговорили «легитимисты», призывавшие к восстановлению легитимности дореволюционного российского государства, среди которых оказались не только русские патриоты-шовинисты, но и некоторые известные академические публицисты. Во-вторых, открылся мощный «внутренний фронт» в лице этнонациональных движений в российских автономиях, прокоммунистическая элита которых зачастую блокировалась с центральными властями. В-третьих, сказывалась неразвитость российских республиканских институтов и атрибутов государственности, роль которых для РСФСР исполнял с момента образования Союза все тот же Центр.

Был необходим какой-то новый внешний вызов, нужен был какой-то новый исторический момент чрезвычайности, который позволил бы мощно продвинуть процесс российского самоопределения в его новых пространственных категориях и духовных символах. И этим моментом стали события 19—21 августа, когда впервые за шесть лет крупных общественных трансформаций реалии борьбы и противостояния перешли из сферы политико-риторической в сферу героического действия, когда людская солидарность и сопричастность, помимо сферы идей и эмоций, обрела физическое пространство и осязаемые вещественные символы вместе с особой атмосферой поэтизированного народного праздника⁶.

Признанные и популярные политические лидеры России продемонстрировали ряд чрезвычайно важных качеств, необходимых, чтобы запустить «механизм» народной солидарности и сопротивления. Их мужество, способность осознать угрозу, определить врага и союзников, найти средства и формы мобилизации оказались в разительном контрасте с поведением путчистов.

Обезличенному обращению ГКЧП было противопоставлено подписанное Б. Н. Ельциным, И. С. Силаевым и Р. И. Хасбулатовым воззвание «К гражданам России». Казенное всеобщее вещание убогих документов хунты и сотни боевых машин на улицах Москвы создавали образ нечистой силы и надвигающегося кошмара. К тому же в течение трех дней никто не видел в лицо и не знал местонахождения тех членов хунты (Крючков и Язов), которые отдавали воинские приказы и приводили в движение способных убивать. Зато Белый дом, ораторы с его балкона, площадь, баррикады, радиопередачи, листовки, наконец, человеческие жертвы — все это было реально и обладало огромной мобилизующей силой.

Растущее день ото дня число защитников здания Верховного Совета РСФСР («Белого дома России») из числа москвичей разных возрастов, социальных групп и этнического происхождения, уличные марши, в том числе с 30-метровым полотнищем сине-красно-белого российского торгового флага, наконец, миллионные похороны трех погибших молодых людей приводят к выводу об исключительной роли массовой демонстрации — этого поистине глобального феномена в поведении человеческих сообществ с древности до наших дней. Внешне спонтанные, аморфные и хаотичные массовые демонстрации на самом деле обладают своей внутренней логикой, целью и самоорганизующейся структурой. Они представляют своего рода современный ритуал несогласия, сопротивления или солидарности. Человек, гражданин использует эту форму для раскрытия и утверждения своей политической или культурной идентификации, для выражения в наиболее эмоциональной и солидарной форме своих социальных целей. Массовые действия, где почти стирается грань между организаторами, прямыми участниками и наблюдателями, оказываются мощнейшим катализатором в формировании гражданского и национального самосознания, государственной идеологии, в процессе обретения властью необходимой народной поддержки.

Пожалуй, впервые слова «Россия» и «россияне» обрели особую значимость и зримость. Они были в текстах документов российских властей, в речах ораторов на митингах, в песнях, музыке, на плакатах, значках, повязках. В эти дни российское самосознание обрело национальные символы: парламент, флаг, гвардию, жертвы и жертвенное место.

Спустя несколько дней в «Российской газете» можно было прочитать следующие строки: «10 июля 1991 г. Борис Ельцин в своей речи при вступлении в должность сказал: “Великая Россия поднимется с колен”. Признанный лидер нации выразил наши общие чаяния»⁷.

В этом новом понимании российской нации как граждан РСФСР заключен несомненный разрыв с традиционным для нашей общественной практики и академического дискурса употреблением понятия в смысле этнонаций, т. е. типа этнической общности. Кроется за этим журналистская оговорка или более глубокий процесс широкого переосмысления понятия — пока сказать трудно. Тем более, что в те же дни государственного переворота и особенно после не менее драматично и бурно проявили себя также те силы, которые мы привыкли определять традиционными понятиями.

Все это отчетливо проявилось за 72 часа кремлевского путча в небольшом городском пространстве у здания на Краснопресненской набережной. Российские лидеры обратились к народу и их голос был услышан. Кто были те самые первые и те самые стойкие, ночевавшие под дождем? Мужчины средних лет с «дипломатами» в руках, молодежь из городских пригородов, женщины — жители центральных кварталов, ветераны афганской войны и многие другие, мобилизованные не только политической идеей, но и личным темпераментом, логикой коллективного поведения. Ясно одно и без тщательного социологического анализа — это был российский народ (понятие, пока пребывавшее за пределами принятых научных дефиниций), солидаризировавшийся со своими политическими лидерами и выдающимися деятелями культуры.

Не случайно уже на митинге 22 августа один из афганских ветеранов сказал, что он никогда в жизни не мечтал, что ему посчастливится стоять здесь, у микрофона, рядом с президентом России Борисом Ельциным.

3. Реакция периферии

Остается пока необъясненным целый ряд тех контуров противостояния, которые проявились вокруг главной схватки сил реакции и демократии. Бесспорен факт поддержки ГКЧП лидерами российских автономий, где доминировали в структурах власти коммунисты. Пожалуй, только Президиум Верховного Совета Коми АССР объявил в Сыктывкаре сразу же — поздно вечером 19 августа о своей лояльности законно избранной верховной власти. Выжидательную, дистанцированную позицию заняли по отношению к хунте и лидеры ряда союзных республик, за исключением прибалтийских и Кыргызстана. Там, где лидеры и большинство депутатов парламентов составляли коммунисты

(Белоруссия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), ГКЧП фактически получил поддержку. Лояльность коммунистической догме и партийной структуре, обеспечивавшая до путча власть в этих республиках, оказалась сильнее солидарности с демократией и опасений тоталитарной реставрации.

Обещание не вводить чрезвычайное положение или разрешить межэтнические конфликты на основе, как можно было догадаться, доперестроечного статус-кво вызвало наибольшие симпатии, в том числе со стороны президента Азербайджана А. Муталибова, Л. Кравчук на Украине, Н. Назарбаев в Казахстане, М. Снегур в Молдове, Л. Тер-Петросян в Армении предпочли успокоить население республик обещанной или гарантированной суверенитетом экстерриториальностью от действий хунты. Здесь справедлива, на наш взгляд, оценка сопредседателя социал-демократической партии России О. Румянцева: «Трудно принять как чистый и моральный тезис “главное — наш суверенитет, а остальное — выдумки Москвы, хоть бы и ГКЧП будет, лишь бы нас не трогали“»⁸. Точно подметил эту ситуацию и народный юмор в одной из родившихся в дни и после путча частушек:

«Эй, Кравчук и Назарбаев,
Вас устраивал Янаев,
Не мычали, не телились,
А теперь вдруг отделились?»

В сложной ситуации оказались лидеры автономий в Грузии и самоопределяющихся образований в Молдове (Гагаузия и Приднестровье). Логика противостояния с властями своих союзных республик толкала их в сторону новоявленного «советского руководства». Однако во всех случаях не стоит забывать, что речь идет о позициях конкретных лидеров и правящих структур, которые действительно, не обладая достаточным политическим опытом и столкнувшись со сложной ситуацией, не смогли сразу определить свои позиции, а в большинстве случаев и принять коллегиальные решения, отражающие настроения более широких слоев населения и политических сил. Тем более, что расхождения в оценках и позициях оказались в ряде республик столь существенными, что впоследствии привели к острым дебатам, митингам и отставкам лидеров.

Наиболее отчетливо демократическую Россию поддержали радикально-националистические органы власти на Западной Украине, либерально-демократическая партия в Таджикистане, движение «Иттифак» в Татарстане, активисты Народного фронта Азербайджана, Вайнахская партия в Чечено-Ингушетии и другие общественные группы и движения.

Провал путча и победа российского руководства, действия Б. Ельцина, а затем М. Горбачева против руководства КПСС означали конец этой партии в Центре, а вместе с этим и вполне вероятную катастрофу республиканских национал-коммунистов. Не столько миф о новом имперском центре в лице России и ее лидера, сколько желание отвести критику и удержать власть продиктовали многим из них срочно избавиться от коммунистической подпорки и воспользоваться моментом паралича Центра для безоговорочного перехода на политическую платформу национализма и сецессии.

Наиболее мощные, без сильной оппозиции лидеры «пощадили» компартию и сохранили свою лояльность (Н. Назарбаев, И. Каримов, М. Шаймиев). Другие в силу внутренней ситуации в республике и парламенте не могли позволить себе такую позицию и заявили о разрыве (Л. Кравчук, А. Муталибов). Третьи, которые послабее, не успели сделать ни того, ни другого, а были отстранены от власти оппозиционными силами или внутренними клановыми группировками, которые спешили спасти свое лицо (Н. Дементей в Белоруссии, К. Махкамов в Таджикистане).

Но главные события развернулись не вокруг судьбы КПСС, а вокруг вопроса об отношениях с Центром и Россией, выступивших после новых назначений и сближения двух главных лидеров страны в единой ипостаси.

Начало новому, неожиданному процессу полного разрыва с центром было положено еще в дни путча, когда 20 и 21 августа Эстония, Латвия и Молдова объ-

явили о своей полной государственной независимости. Но это было логическое завершение всего предшествующего политического курса руководства этих республик, опирающегося на мнение большинства населения, к тому же в прибалтийских республиках зафиксированного плебисцитами. Что было сенсационным, так это рывок в сторону полной независимости Украины и Казахстана, а затем других республик — до этого участников ново-огаревского процесса.

Трибуна открывшейся 26 августа сессии Верховного Совета СССР была ими использована для драматических заявлений. Президент Кыргызстана А. Акаев назвал текст подготовленного для подписания Союзного договора неприемлемым потому, что он стал «компромиссом между демократическим движением к свободе и независимости суверенных республик и стремлением центра сохранить свою власть»⁹. Президент Казахстана сделал заявление, что Казахстан никогда не будет «подбрюшием» ни одного региона и никогда не будет ни для кого «младшим братом»¹⁰, и назвал выработанную по его же инициативе в Ново-Огареве схему «опасной». Единственное, в чем осталась необходимость для руководства страной — это межреспубликанский экономический совет, как полагали эти лидеры, не особенно разъяряя свои позиции по ряду кардинальных проблем будущих взаимоотношений новых государств и судьбы Союза.

Одна из таких проблем, по которой был необходим диалог будущих государств, это судьба ядерного потенциала и в целом вопрос об обороне и армии. Примечательно, что в выступлении на сессии Верховного Совета СССР представитель Украины Ю. Щербак заявил, что будущее Союза он представляет «в виде Евроазиатского экономического сообщества с военно-политической структурой типа НАТО», т. е. как можно было полагать, в виде союза ядерных держав. Спустя несколько дней он же на Внеочередном съезде народных депутатов СССР говорил о «необходимости учитывать стремление Украины стать безъядерной зоной»¹¹.

Другая проблема — это вопрос о территориальной целостности и границах новых независимых образований. Этот вопрос неожиданно остро встал в связи с заявлением пресс-секретаря президента РСФСР П. Вощанова, в котором было сказано, что в связи с заявлениями ряда республик о выходе из СССР российское руководство оставляет за собой право поднять вопрос о пересмотре границ с соседними государствами, кроме прибалтийских республик, границы с которыми уже признаны оформленными двусторонними соглашениями. Нервная реакция на это заявление на Украине и особенно в Казахстане потребовала срочных визитов российских делегаций в Киев и Алма-Ату, после чего было заявлено о невозможности пересмотра границ и взаимном уважении территориальной целостности республик.

На внеочередном съезде Верховного Совета СССР, открывшемся в назначенную А. Лукьяновым дату — 26 августа, общая диспозиция и исход дебатов о судьбе Союза были еще неясными. М. Горбачев говорил о возобновлении процесса подписания Союзного договора, налаживании отношений с республиками, не желающими этого делать, создании органов управления страной до ввода новой Конституции, реформе Верховного Совета СССР, выборах союзных органов власти, в том числе президента страны. Другими словами, в те дни он связывал все предстоящие задачи хотя и с основательно реформированным, но единым Союзом.

Такой же была и позиция российского руководства, когда исполняющий обязанности председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов говорил о благоприятных условиях для подписания Союзного договора, о единстве и неделимости Российской Федерации в рамках Союза.

Но лидеров Центра и России столь же решительно не поддержали представители других республик, и окончательно судьба Союза была решена в воскресную ночь с 1 на 2 сентября 1991 года, когда накануне Съезда народных депутатов СССР состоялась встреча М. Горбачева с руководителями десяти союзных республик (РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Армении, Туркмении, Азербайджана и Кыргызстана).

4. Конец Союза

5 сентября 1991 года перестало существовать на одной шестой части Земли крупнейшее государство мира — Союз Советских Социалистических Республик. Не помогли отчаянные аргументы и заклинания ни рафинированного интеллигента — академика Д. Лихачева, ни твердолобого полковника В. Алксниса и еще доброго десятка депутатов первого и последнего советского парламента, которым удалось прорваться к трибуне Съезда. Силы дезинтеграции и национальных движений, аргументы ораторов, говоривших о несостоявшемся социальном и политическом благополучии граждан советского государства оказались сильнее. Завтра (я пишу эти последние строки статьи в ночь на 6 сентября) почти 300 миллионов жителей СССР проснутся гражданами 15 новых государств. По крайней мере, так были восприняты решения закончившегося Съезда, утвердившего свой последний закон и постановление о передаче власти в руки высших органов власти союзных республик, которые по своему выбору сформируют на переходный период новый двухпалатный Верховный Совет из Совета республик и Совета Союза и Государственный Совет из высших руководителей суверенных государств.

Не будем повторять газетные декларации, ибо все обстоит не так однозначно: трудно было сохранить Союз, но, возможно, еще труднее его уничтожить. Речь идет о сложнейшем исторического масштаба процессе, в который вовлечены сотни миллионов людей и тысячи разных факторов, а перед политиками стоит масса труднейших проблем. Не затрагивая вопросы экономического и стратегического характера, позволим себе высказать ряд прогностических суждений в рамках излагаемой нами проблематики.

Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования. Еще никому не удалось выработать или умозрительно определить оптимальную форму образования государств, а тем более их упразднения. Оба процесса есть результат творчества людей, полного рациональных и иррациональных моментов, итог как исторических случайностей, так и объективных тенденций. Ясны лишь некоторые примерные условия, делающие эти грандиозные человеческие предприятия более или менее успешными. Среди них одним из важнейших (хотя и не всецело определяющим) является этнокультурный фактор, суть которого в том, что существующие на Земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие не только системами хозяйственного жизнеобеспечения и передачи культурной информации (последние в современных условиях могут успешно существовать безотносительно к государственным системам), но и институтами власти, в том числе в форме государства.

Однако государства — это прежде всего оформленные границами территории, которые почти во всех случаях не могут совпадать с границами распространения культур и языков, самоидентифицирующихся членов этнических сообществ. Государства стремятся в свою очередь через общие символы и доминирующие культурные стереотипы создать общую лояльность своих граждан, как можно более монолитное сообщество, зачастую силой конструирующее новую этничность или моноэтничность. Но гораздо чаще эта новая лояльность граждан наций-государств предусматривает культурный плюрализм своих членов, механизмы, через которые граждане обеспечивают свои специфические запросы, права и интересы, в том числе справедливый доступ к ресурсам жизнеобеспечения, социальным благам, структурам власти. Такие нации-государства оказываются более жизнеспособными и добиваются процветания. Старому Советскому Союзу не удалось решить эту сложную проблему при более чем достаточных материальных ресурсах и геополитических условиях, но при ущербном социальном порядке и разрушительной политической идеологии. Удастся ли новым образованиям не повторить один трагический эксперимент в 15 уменьшенных вариантах — это зависит от опыта и здравого смысла рождающихся согражданств и мудрости избранных ими политиков. По крайней мере, три крупные проблемы на горизонте новых суверенных государств.

Первая. Пока дезинтеграция произошла верхушечно, на уровне больших политических шахмат, в итоге усилий интеллектуалов, политиков и общественных

активистов, сумевших по логике коллективного поведения увлечь за собою большинство. Но этого явно недостаточно для того, чтобы составить базу новых независимых государств. Размеры территорий, обладание ресурсами здесь не столь важны, как уверенность населения в своем будущем. А что если крупные массивы компактно проживающих граждан заявят об ином выборе? Готовы ли те, кто на основе права на самоопределение обрел независимость, дать такое же право, или хотя бы право на автономию, другим осознающим свою отличительность группам? Например: венграм, болгарам, карпато-русинам на Украине, сибирским татарам и немцам в России, корейцам и уйгурам в Казахстане, лезгинам в Азербайджане, и т. д. Список этот гораздо длиннее, чем подозревают политики, ибо этничность имеет свойство рождаться заново, оформляться на чисто региональной основе или на основе общей исторической (чаще всего выдуманной) традиции. Если общество поощряет не свободу и развитие культур, а этнонационализм в виде создания для каждой из групп своих государств, движение за самоопределение, за которым стремление обеспечить доступ к власти и избежать неравного статуса, будет продолжаться бесконечно со стороны тех, кого в новых государствах хотят квалифицировать как «этнические меньшинства».

Второе. Статус «меньшинств» никак не будет принят «сколками» с крупных народов, которые составляют в отделившихся государствах иногда многомиллионные массы. Прежде всего это касается русских, 6,5 млн. которых проживает в Казахстане, составляя большинство в шести областях этой республики, и 11,3 млн. на Украине, где они проживают главным образом в сложной по составу и смешанной по культуре зоне русско-украинского пограничья, а также составляют большинство жителей Крыма. Такая же ситуация характерна для украинцев в России, в Молдавии и в Белоруссии, русских в Латвии и Эстонии, не говоря уже о грозной «чересполосиде» в среднеазиатском регионе, особенно в узбекско-таджикском пограничье.

Статус «меньшинств» для этой части населения невозможен прежде всего по той причине, что рядом за государственной границей проживает основное ядро их собственного народа. В этих случаях очень вероятно, особенно при неблагоприятных социальных и культурных условиях, возникновение движения так называемого ирредентизма, т. е. за воссоединение с соотечественниками. Это обычно самая грозная причина межэтнических конфликтов. Ирредентизм уже наблюдается в Молдове за воссоединение с румынами, среди части русских в Эстонии, украинцев в Приднестровье. Но он может обрести неожиданную силу в таких регионах, как Северный Казахстан, Восточная Украина и Крым (среди русских), Западная Россия (среди украинцев), для которых пожарные визиты А. Собчака и А. Руцкого в Киев и Алма-Ату и договоренности ровным счетом ничего не значат. Массовые миграции и переселения здесь не помогут, как и другие силовые методы. Пересмотр, вернее уточнение границ (никак не территориальные претензии, ибо речь идет о желании части граждан в отношении территории собственных государств), может быть, наименьшее зло и единственный путь решения конфликтных ситуаций.

Третье. Это вопрос о судьбе многочисленного, порою более влиятельного, чем политики, интернационального по составу слоя образованной гуманитарной и технической интеллигенции в центре, рекрутированного из народов всех республик, особенно Украины, Грузии, Армении. Завтра десятки, если не сотни тысяч талантливых, широко известных, высоко образованных людей утратят ставшее для них привычным и жизненно важным социально-культурное пространство советской империи. Их родина будет за рубежами России, а гражданство? Уже сейчас грузинские власти проводили выборы президента республики среди граждан Москвы грузинского (а чаще всего — смешанного) происхождения. Важно, — как пройдут здесь, на личностном уровне, разграничители. Ведь если сейчас национализм среди самого крупного народа страны — русских был менее развит, чем среди других народов, то после образования суверенных государств русские среди всех других аналогичных по численности народов мира (свыше ста миллионов) окажутся в явно невыгодном положении, когда часть территории их расселения окажется «зарубежьем» или землей суверенных российских автономий, тоже мечтающих о независимости. Русский национализм и движение за самоопределение русской нации вполне могут развиваться в соответствии с логи-

кой аналогичных процессов среди других народов. Хотя, казалось бы, у Белого дома не нашлось места русским национал-патриотам.

Обо всем этом есть смысл задуматься, чтобы уйти подальше от путча.

Примечания

- ¹ Обращение к советскому народу//Известия. 1991. 20 августа.
- ² Договор о союзе суверенных государств//Известия. 1991. 15 августа.
- ³ Слово к народу//Сов. Россия. 1991. 23 июля.
- ⁴ Известия. 1991. 20 августа.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Эти же моменты отмечались Л. Абрамяном в его анализе событий на Театральной площади в Греване в 1988—1989 годах. (В докладе на Ученом совете Ин-та этнологии и антропологии АН (СССР).
- ⁷ Российская газета. 1991. 28 августа.
- ⁸ Известия. 1991. 30 августа.
- ⁹ Российская газета. 1991. 27 августа.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Известия. 1991. 27 августа, 3 сентября.